

ББК 63.3(2)612,11

А.Н. Валиахметов

**«Организованная память»: сбор воспоминаний
о боевых действиях против Чехословацкого легиона
в Казанской губернии**

A.N. Valiakhmetov

**The «Organized Memory»: the Collection of Memoirs
about Fighting against the Czechoslovak Legion
in Kazan Province**

Рассматривается процесс организации исторической памяти на примере деятельности Комиссии по истории Октябрьской революции (Истпарта) по сбору воспоминаний о борьбе с Чехословацким легионом на территории Казанской губернии. «Организованная память» понимается как комплекс воспоминаний, появление и содержание которых были результатом внешнего воздействия.

Ключевые слова: Истпарт, историческая память, организованная память, воспоминания, Чехословацкий легион.

The article considers a process of organizing the historical memory on the example of Commission on October Revolution History (Istpart) activity on collecting memories about the fight against Czechoslovak Legion in the territory of Kazan Province. The «Organized Memory» is understood as a complex of memories, the appearance and content of which was the result of external influence.

Key words: Istpart, historical memory, organized memory, memoirs, Czechoslovak Legion.

Взаимоотношения власти и науки в XX в. имели печальные последствия для отечественной историографии. В новейшей исторической литературе были раскрыты механизмы воздействия власти на науку: кадровая политика, цензура, директивы, репрессии. Подобный взгляд на историческую науку отражает ее уязвимость в отношениях с властью. В то же время столь пристальное внимание к «истории и историкам» характеризует их важность в теории и практике государственного управления: «Существует определенная государственная и иная политика в отношении памяти, манипулирующая как раз с коллективной памятью. Коллективная память определяет дальнейшие пути развития сообщества, в котором она живет. Именно поэтому она становится объектом политики манипулирования и “переписывания прошлого” (вспомним знаменитый роман Дж. Оруэлла “1984” или официальную историографию советского времени)» [1, с. 26].

Историки были ответственны за формирование коллективной социальной памяти. На них была возложена важная миссия – «конструирование прошлого», причем в ходе своей работы они были ограничены жесткими рамками: «Коллективная память – это конструктор прошлого, проект той или иной социальной, политической, культурно-цивилизационной группы. Социальная группа “стоит за спиной” автора исторического сочинения» [2, с. 98].

Влияние идеологии в тот период в наибольшей степени проявило себя при изучении истории первых лет советской власти.

Настоящая статья посвящена изучению феномена «организованной памяти». Он может быть понят и представлен двояко. Во-первых, организованная память – это совокупность воспоминаний о событиях, максимально полная и систематизированная, подчиняющаяся принципу «вспомнить все». Во-вторых, организованная память – это память, определенным образом выстроенная и структурированная, подчиняющаяся принципу «вспомнить все правильно». Применительно к нашей теме актуальными будут оба смысла.

Память – это одно из ключевых понятий в работе историка: «и материал, и инструмент, и средство, и цель его труда» [1, с. 5].

В структуре и процессе формирования исторической памяти можно выделить следующие уровни: «реальные события и процессы, их отражение в документе, прочтение документа историком, и, наконец, [...] то, что сохранено памятью народной» [3, с. 2].

Историки в обозначенной условной схеме подключались к процессу формирования исторической памяти на третьем уровне – на этапе «прочтения документа». Однако в 1920-е гг. историки из «археологов» исторического знания превратились в его

«архитекторов» [4, с. 3]: они должны были принять активное участие в процессе создания «исторического материала». При этом речь идет не о сознательной фальсификации, а об уникальном историческом феномене – конструировании организованной памяти в определенных установленных рамках. Пространством и одновременно результатом этого конструирования явились воспоминания участников революционных событий. В данном случае речь пойдет об участниках борьбы с Чехословацким легионом на территории Казанской губернии в 1918 г.

Сразу же после освобождения Казани в сентябре 1918 г. редакция местной газеты «Знамя революции» выступила со следующим обращением: «Советская Россия почти ничего не знает, что происходило в Казани за время белогвардейского владычества. Она мало знает, она недостаточно широко осведомлена относительно той героической борьбы, которую вела наша Красная Армия против наемников англо-французского капитала» (цит. по: [5, с. 76]). По этой причине предлагалось «восстановить точную картину имевших в Казани место исторических событий – это необходимо для Советской России, крайне важно для сознательных рабочих всех стран, это, наконец, нужно для истории» (цит. по: [5, с. 76]). Тогда же в газете «Знамя революции» были опубликованы первые воспоминания.

Победа войск Красной армии под Казанью придала большое воодушевление победителям, и первые воспоминания появились на волне этого воодушевления: «Люди творили, движимые потребностью записать пережитое: все, что увидели, знали, поняли [...] Людей побуждали революционный энтузиазм, сознание того, как важно знать о происходящих грандиозных событиях нынешнему и будущему читателю из первых уст» [6, с. 5]. Для советских людей после победы социалистической революции было характерно стремление «поделиться своим опытом, воспоминаниями о минувшем» [7, с. 3].

Вместе с тем советские историки констатировали, что уже в то время «творческий порыв масс сочетался с призывом партии – писать!» [6, с. 10].

Сбору воспоминаний уделялось особое внимание в связи с тем, что «история партии, история пролетарской революции должны быть описаны самими участниками ее – массой партийцев, пролетариата и крестьянства» [8, с. 3].

В 1990–2000-е гг. историки дали иную интерпретацию причин появления большого количества воспоминаний в тот период. С.Ю. Малышева называет мемуарный комплекс о событиях революции и Гражданской войны «мощным фактором формирования исторической памяти 20-х гг.» [9, с. 226]. По ее словам, «создание этого огромного массива воспоминаний «простых людей» было инспирировано сверху через сеть комиссий по истории Октябрьской революции и по другим каналам. Это был своео-

бразный социальный заказ властей 20-х гг. – заказ на, как бы сейчас сказали, «социальную историю» – в смысле истории только определенных слоев населения в революции» [9, с. 227].

С начала 1920-х гг. работа по сбору воспоминаний приняла организованный характер и перешла в ведение Комиссии по истории Октябрьской революции (Истпарт): «Для собирания и подготовки к печати воспоминаний была создана мемуарная подкомиссия» [10, с. 155].

В литературе, посвященной Истпарту, значительное внимание было уделено его «исследовательской и издательской деятельности» [11, с. 3]. В большинстве работ упоминался тот факт, что Истпарт проводил работу по сбору воспоминаний; отмечалась его заслуга в создании источниковой базы по истории революционного движения. Процесс сбора воспоминаний при этом остался практически неизученным.

12 декабря 1920 г. на заседании Татистпарта было утверждено «Положение о Казанской подкомиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской Революции и истории Р.К.П.» [12, л. 56].

Основной задачей подкомиссии являлся сбор, разработка и обработка всякого рода материалов, как печатных, так и рукописных, относящихся к истории Октябрьской революции, понимаемой в самом широком толковании и истории РКП [12, л. 59]. «Широту подхода» иллюстрирует следующий пример: план исследований по теме «Октябрьская революция» предусматривал 38 тем, выходящих содержательно и хронологически за заявленные рамки: выборы в Учредительное собрание, Брестский мир, создание Красной армии, восстание чехословаков, Комитет членов учредительного собрания, международные съезды – женщин, Коминтерна, профсоюзов, молодежи и т.д. [13, л. 109–109об.].

Первоначально воспоминания не фигурировали в перечне документов, которыми должен был комплектоваться архив Октябрьской революции [12, л. 59]. Судя по всему, основными источниками комплектования должны были стать государственные органы, политические и общественные организации.

Постепенно отношение к воспоминаниям стало меняться. В 1923 г. был опубликован «План воспоминаний о пролетарской революции в Татарской Республике», составленный уполномоченным Истпарта в Татарской Республике Н.А. Знаменским. В предисловии было сказано следующее: «...для составления связанного и правильно обоснованного труда необходимо иметь колоссальный фактический материал. Таким материалом должны служить воспоминания участников революции, активных местных руководителей пролетарских и крестьянских низов. Нужда в воспоминаниях тем настоятельнее дает себя знать, что почти никаких подлинных архивных материалов не осталось после разгрома парторганизации чехами» [8, с. 3].

На начальном этапе подкомиссия использовала различные формы и средства пропаганды. В «Обращении ТатБюро Истпарт к товарищам Рабочим» с приглашением на вечера воспоминаний об Октябрьском перевороте (так в тексте. – *А.В.*) содержался призыв: «Приходите с готовым запасом воспоминаний, кто может. Изложите свои воспоминания в письменной форме. Представьте их в Истпарт» [12, л. 21].

Со временем была предпринята попытка задействовать «административный ресурс». На заседании Казанской подкомиссии Истпарта 29 мая 1921 г. было принято следующее постановление: «Просить Центр. Комиссию войти с предложением в ЦК РКП, чтобы все члены партии составили свои воспоминания и передали их в местные Истпарты по принадлежности, в частности – Каз. подкомиссию» [12, л. 33].

Комиссия по истории Октябрьской революции «обратилась ко всем членам партии с призывом собирать документы и писать воспоминания, причем подчеркивалось, что «воспоминания, свидетельства очевидцев, рассказы участников событий имеют для историка громадное значение как источник», а также указывалось, что все это должно стать «обязательным для каждого члена партии, не чуждого литературной работе» (цит. по: [6, с. 76–77]). 18 апреля 1922 г. бюро Истпарта обратилось к членам партии с просьбой «в недельный срок сдать свои воспоминания на условленную тему в Бюро. Исполнение сего обязательно в порядке партдисциплины» [13, л. 28].

Особо пристальное внимание уделялось «Чехословацкой теме» – сбору материалов о борьбе с Чехословацким легионом на территории Казанской губернии в 1918 г. Это был один из наиболее важных и ярких эпизодов в истории «революционного движения» и «революционной борьбы» на территории Казанской губернии. Поэтому вполне обоснованным выглядел тот факт, что «очередным сборником, издающимся Истпартотделом ОК, является сборник материалов по времени налета на Казань чехословаков» [14, л. 35].

Сбор воспоминаний проводился уполномоченными Татистпарта по отдельным районам, в городах и сельской местности.

Н.А. Знаменский в своем докладе весьма скептически оценивал возможные результаты работы по сбору воспоминаний в сельской местности: «Бюро отнюдь не склонно преувеличивать значения этих мемуаров; но не будучи в силах использовать в настоящее время документальный материал из деревни – ввиду целого ряда объективных условий – приходится обойтись пока этим историческим суррогатом. Тем не менее, некоторую ценность, при массовой реализации “Плана”, мемуары будут иметь, несомненно» [13, л. 102об.].

Завершить сбор материалов планировалось к 1 августа 1923 г., «в крайнем случае материалы могут быть присланы к 15 августа» [15, л. 1]. Из пе-

реписки Истпартотдела со Свяжским канткомом мы узнаем, что к намеченному сроку – 15 августа 1923 г. – материалы предоставлены не были: «Ввиду этого срок исполнения продлен до 15 сентября 1923 года» [15, л. 18]. Однако и к этому времени требование не было выполнено.

Ввиду «непредставления большей части материалов, помещаемых в сборник» срок выпуска «Чехословацкого сборника» был отложен [14, л. 45].

Руководство Татистпарта пыталось привлечь в качестве авторов воспоминаний «бывших казанских ответственных работников» (Вегера, Догадова, Израйловича, Попова, Покровского, Каллистова и др.), которые в это время находились на службе в Москве. Но ожидания долгое время были безрезультатными [14, л. 72]. К ноябрю 1923 г. удалось получить лишь «мелкие заметки отдельных местных рабочих – как по чехословацкому, так и по Октябрьскому сборнику» [14, л. 104].

Таким образом, Истпарт имел возможность «заказать» воспоминания по определенной тематике. Но мог ли он влиять на содержание этих воспоминаний? Документов, прямо свидетельствующих об этом, обнаружено не было. Более того, в инструкции уполномоченным Истпартотдела говорилось о том, что «привлекая безпартийных (так в тексте. – *А.В.*) к указанной работе, необходимо указывать им на полную свободу в даче им тех или иных правдивых исторических показаний. Для помощи товарищам в составлении ими воспоминаний, рекомендуется предлагать им “план воспоминаний о пролетарской Революции в Татарской Республике”, в той его части, которая ближе всего и более других частей знакома каждому товарищу [...] При составлении воспоминаний товарищи должны иметь в виду те материалы, которые уже даны в журналах [...] для того, чтобы избежать повторения и, кроме того, чтобы развить то, что там изложено недостаточно» [14, л. 35].

Вместе с тем по некоторым косвенным данным мы можем утверждать, что такое влияние имело место.

Следует оговориться, что идея «заказать» не только тематику воспоминаний, но и повлиять на их содержание не была столь уж фантастической. В 1925 г. в журнале «Пролетарская революция» была опубликована статья И. Гелиса «Как надо писать воспоминания (Методологический очерк)»: «статья имела сугубо практическое назначение. Автор высказал попутно некоторые любопытные замечания (о специфике воспоминаний, о классификации их в зависимости от роли и положения мемуариста в событиях)» [7, с. 5].

Но вернемся к началу 1920-х гг. В письме Н.А. Знаменского был упомянут план воспоминаний. Этот план был составлен «с целью оказания помощи рядовым партийцам и рабочим в написании воспоминаний [...] Польза этого плана состоит в том, что из ряда фактов, которые упоминает “план” в том или

ином политическом (исправлено на “историческом”. – *А.В.*) периоде – пишущему свои воспоминания товарищу это ряд намеков дает канву для его собственных построений (зачеркнуто, исправлено на “воспоминаний”. – *А.В.*) и облегчает задачу выбора темы, наиболее близкой тому, чего он был участником или свидетелем» [14, л. 9–9об.]. План должен был помочь потенциальным авторам из «обрывчатых, разорванных клочков» «дать нам ценную картинку из прошлого нашей борьбы» [8, с. 3].

План воспоминаний был разделен на отдельные исторические периоды: 1918 г. был обозначен как «время чехов» [14, л. 9–9об.].

Что касается содержания, то каждый из этапов состоял из следующих разделов: «Действия власти», «Партийная организация», «Рабочая масса», «Мелкая буржуазия», «Крестьянство», «Помещики и крупная буржуазия», «Армия» [8, с. 3].

Период пребывания Чехословацкого легиона в Казани был назван «Время господства чехо-учредилковцев». Особое внимание уделялось раскрытию фактов «преследования революции»: один из пунктов плана был сформулирован как «политическая тюрьма при чехах» [8, с. 18]. По сути дела план воспоминаний был направлен на то, чтобы раскрыть действия отдельных социальных и политических групп в период пребывания в Казани Чехословацкого легиона. О его действиях или борьбе с ним практически ничего не сказано (за исключением «ликвидации разрушений, нанесенных чехами» [8, с. 20] и примеров «революционной стойкости и сознательности красноармейцев в классовой борьбе с чехо-учредилковцами» [8, с. 20]). План интересен также тем, как в нем обозначаются чехословацкие легионеры: «чехи», «чехо-словаки», «чехо-учредилковцы» [8, с. 18–20].

В дополнение к этому плану 31 июля 1923 г. в Свияжск (как, впрочем, и в другие кантоны ТАССР) была направлена директива, в которой говорилось следующее: «В воспоминаниях о времени налета на кантон чехословаков необходимо привести список тех товарищей – коммунистов, а также рабочих и крестьян, которые были расстреляны и пали в борьбе с белогвардейцами; необходимо описание, когда и при каких обстоятельствах пал тот или иной товарищ» [15, л. 9].

Особенное внимание жертвам «чехо-белогвардейской власти» было уделено и в «Вопроснике по истории профдвижения г. Казани за период чехо-белогвардейской власти. Август–Сентябрь 1918 год» [16, л. 100–100об.].

Актуализация подобных воспоминаний позволяла решить несколько задач. Во-первых, формировался своеобразный «пантеон», состоящий из «мучеников», погибших в борьбе за «пролетарскую революцию». Во-вторых, подобные свидетельства были направлены на формирование вполне определенного облика анти-

большевистской власти как власти, осуществляющей свою политику при помощи террора.

Одним из каналов влияния на потенциальных авторов был язык директивных и инструктивных документов. Язык является «одним из самых мощных способов воздействия на формирование личной системы ценностей [...]». Он настолько органично входит в наше существование, что мы его не замечаем, но от этого его влияние только возрастает, ибо он действует не только на сознание, но и на подсознание» [17, с. 183]. Язык выполнял роль инструмента, который «формирует и сохраняет... концепции» [18, с. 322].

В «Вопроснике по истории профдвижения г. Казани за период чехо-белогвардейской власти. Август–Сентябрь 1918 год» содержатся такие лексемы: «чехо-белогвардейцы», «владычества чехо-белогвардейцев», «чехо-белогвардейская авантюра», «чехо-учредилковская власть», «чехо-белогвардейская власть», «чехо-учредилковский период» [16, л. 100–100об.].

В аналогичном «Вопроснике по истории Казанской парторганизации в 1917–1918 годах» можно встретить такие лексемы, как «чехо-учредилковская интервенция», «чехо-учредилковский налет» [19, л. 70].

Подобные лексемы объяснялись стремлением создать собирательный образ врага. Американский историк Д. Рэйли в статье «Языки власти: как саратовские большевики представляли своих врагов» приходит к интересному заключению, что чехословацкие легионеры были одним из элементов собирательного образа врага, который пропагандировался со страниц большевистских периодических изданий [20, с. 331, 334].

Подобный подход, безусловно, упрощал сущность такого неоднородного явления, как «антибольшевистские силы». При этом Чехословацкий легион преподносился как один из ключевых элементов этого явления.

Позднее практически все эти лексемы оказались на страницах воспоминаний [21, л. 112], что может считаться результатом указанного влияния.

Формальным итогом деятельности Истпарта по сбору воспоминаний может считаться выпуск в 1924 г. сборника «Борьба за Казань», в котором были помещены материалы о боевых действиях летом–осенью 1918 г.

Однако был другой, пожалуй, более важный результат – создание обширного комплекса воспоминаний о боевых действиях против Чехословацкого легиона.

Тем самым были решены сразу три задачи. Во-первых, участникам событий «помогли» вспомнить события в нужном ключе. Во-вторых, историки «обеспечили» себя необходимым «историческим материалом». В-третьих, появилась возможность транслировать эти «фрагменты памяти» как самостоятельно (отдельные публикации), так и в виде документальных свидетельств в своих трудах. Работа по созданию «организованной памяти» дала свои плоды.

Библиографический список

1. Безрогов Г.В. Память текста: автобиографии и общий опыт коллективной памяти // Сотворение истории. Человек. Память. Текст : цикл лекций / отв. ред. Е.А. Вишленкова. – Казань, 2001.
2. Макаров А.И. Историческая память versus культурная память: конфликт интерпретаций исторической реальности // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. – М., 2011.
3. Заклинский П.А. Историческое время и историческая память : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1999.
4. Сотворение истории. Человек. Память. Текст : цикл лекций / отв. ред. Е.А. Вишленкова. – Казань, 2001.
5. Литвин А.Л. Воспоминания о борьбе за Казань в 1918 году как исторический источник // Из истории Татарии : сборник научных работ Госмузея Татарской АССР. – Вып. 2. – Казань, 1966.
6. Семенцова Н.Ф. Становление советской военной мемуаристики. – М., 1981.
7. Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества. – М., 1970.
8. Знаменский Н.А. План воспоминаний о пролетарской революции в Татарской Республике. – Казань, 1923.
9. Малышева С.Ю. Формирование мифа о революции и власти 1917 года // Сотворение истории. Человек. Память. Текст : цикл лекций / отв. ред. Е.А. Вишленкова. – Казань, 2001.
10. Комаров Н.С. Создание и деятельность Истпарта (1920–1928 гг.) // Вопросы истории КПСС. – 1958. – №5.
11. Партийный контроль за изданием сочинений Ленина и литературы о нем в 1924–1937 годах // Вопросы истории. – 2004. – №11.
12. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 353.
13. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 354.
14. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 362.
15. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 1220. – Оп. 1. – Д. 352.
16. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 366.
17. Евграфова С.М. Память и общество: лингвистические и психологические аспекты // Сотворение истории. Человек. Память. Текст : цикл лекций / отв. ред. Е.А. Вишленкова. – Казань, 2001.
18. Репина Л.П. Коллективная память и мифы исторического сознания // Сотворение истории. Человек. Память. Текст : цикл лекций / отв. ред. Е.А. Вишленкова. – Казань, 2001.
19. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 379.
20. Raleigh D.J. Languages of Power: How the Saratov Bolsheviks Imagined Their Enemies // Slavic review. – 1998. – №2.
21. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 244.